

RU

Нумеративы в темпоральной характеристике мира
на примере английских и немецких фольклорных сказок

Девицкая Е. Н.

Аннотация. Цель исследования – определить особенности функционирования нумеративов в темпоральной характеристике мира (на материале английских и немецких фольклорных сказок). В статье выявляются и систематизируются способы категоризации времени с помощью лексем и лексических сочетаний, включающих числовой компонент в корпусах исследуемых текстов. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые реализуется комплексный подход к совместному анализу числовой лексики и средств категоризации времени на материале западноевропейского сказочного фольклора. В ходе работы выявлены новые закономерности взаимодействия нумеративных и темпоральных смыслов, а также уточнено и расширено терминологическое содержание понятия «нумератив» в контексте лингвофольклористики. В результате работы определен состав, а также выявлены семантические и лингвокультурологические особенности нумеративных единиц в аспекте темпоральности. На основе выборки темпоральных лексических средств из англо- и немецкоязычных фольклорных сборников были составлены частотные словари, конкордансы и доминантные списки, что позволило детально описать функциональную специфику числовой и темпоральной лексики. В ходе анализа контекстуальных примеров выявляются и комментируются символические смыслы нумеративных и темпоральных единиц в их взаимодействии.

EN

Numeratives in the temporal characterization of the world:
a case study of English and German folk tales

E. N. Devitskaya

Abstract. The purpose of the study is to determine the operational features of numeratives in the temporal characterization of the world (based on English and German folk tales). The article identifies and systematizes the methods of time categorization using lexemes and lexical combinations that include a numerical component within the corpora of the texts under study. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first to implement a comprehensive approach to the joint analysis of numerical vocabulary and means of time categorization based on Western European fairy tale folklore. The study reveals new patterns of interaction between numerative and temporal meanings, and clarifies and expands the terminological content of the concept of “numerative” in the context of linguistic folkloristics. As a result of the work, the composition, as well as the semantic and linguocultural features of numerative units in the aspect of temporality, have been determined. Based on a sample of temporal lexical means from English- and German-language folklore collections, frequency dictionaries, concordances, and dominant lists were compiled, which made it possible to describe in detail the functional specifics of numerical and temporal vocabulary. The analysis of contextual examples identifies and comments on the symbolic meanings of numerative and temporal units in their interaction.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения лингвистических механизмов категоризации мира и выявления этнического своеобразия в образцах фольклорного творчества для сохранения самобытности духа этноса в условиях мировой глобализации. Очевидно, что в современном мире одним из ключевых аспектов является необходимость учитывать лингвокультурные различия, расхождения в способах категоризации действительности представителями разных этносов. На современном этапе всё более актуальными становятся исследования на стыке двух научных направлений – лингвокультурологии и этнолингвистики. Такой междисциплинарный подход позволяет эффективно выявлять

общие черты и признаки национального своеобразия. Анализируя, как числовая лексика работает в темпоральном аспекте, можно прийти к ряду выводов о культурных кодах и символике.

Возникшее ранее в курской научной школе направление – кросс-культурная лингвофольклористика – за последние годы породило ряд важных исследовательских работ по выявлению этнокультурной специфики в фольклоре двух и более этносов. В центре внимания современных ученых, занимающихся кросс-культурной лингвофольклористикой, находится специфика отражения картины мира, ценностей и образа мышления в устном народном творчестве разных этносов (Хроленко, 2017; Бобунова, 2026). Одной из последних работ в этом направлении стало диссертационное исследование С. И. Добровой (2025), посвященное теории развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора. Автор ставит перед собой задачу создать «эволюционно-генетическую теорию развития языковых основ образного параллелизма». Более ранние ее работы также освещали вопросы выявления фольклорной специфики двух этносов, исследовались русские и болгарские заговоры (Доброва, 2018). В ходе XII Международной научной конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» одним из перспективных направлений стала работа секции «Лингвофольклористика: сопоставительная и кросс-культурная лингвофольклористика» (Воронеж, 2025). Среди материалов секции следует отметить исследование М. А. Коноваловой (2025), демонстрирующее особенности состава и функций наречий в заговорных формулах. В работе изучается структура заговорного текста, классифицируются «устойчивые формулы с наречиями», в том числе «пространственно-направленные и временные».

Особого внимания требует дальнейшее изучение моделей категоризации окружающей действительности на стыке менее изученных аспектов. В связи с этим востребованным направлением становится выявление структурно-семантических особенностей лексических репрезентаций по отдельным категориям в фольклорном повествовании. Предметом данного исследования являются языковые единицы с темпоральной и числовой семантикой во взаимосвязи, репрезентирующие категории времени и числа в фольклорно-сказочных текстах двух этносов.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

- изучить опыт исследования категории времени и числа в отечественной и зарубежной фольклористике;
- провести выборку лексических средств выражения темпоральности в англо- и немецкоязычных фольклорных сборниках, составить и проанализировать частотные словари, конкордансы, доминантные списки;
- изучить функциональную специфику, выявить и прокомментировать возможные символические смыслы нумеративных и темпоральных модификаций в их взаимодействии.

Материалом для исследования послужила выборка темпоральных лексем из фольклорных сборников на английском языке (56 лексем / 1238 словоупотреблений) и немецком языке (24 лексемы / 365 словоупотреблений), а также составленные к ним конкордансы, частотные словари для выявления связи с числовой лексикой. К анализу также привлекались фрагменты отдельных сказочных текстов и данные переводных и толковых словарей.

В работе применялись следующие методы: метод сплошной выборки, используемый для отбора основного языкового материала исследования; доминантный анализ, применявшийся для выявления ключевых языковых единиц в корпусе; метод сжатия конкорданса – для отражения всех текстовых связей фольклорного слова. Кроме того, привлекался таксономический метод при систематизации и классификации функциональных признаков и структурных особенностей числовых и темпоральных модификаций. В рамках комплексного анализа символики с привлечением контекстно-ситуативного подхода были определены скрытые символические смыслы выбранных конструкций. В работе также задействованы элементы сравнительно-сопоставительного анализа, позволяющие продемонстрировать расхождения в категоризации времени и числа в фольклоре двух этносов по соотносимым параметрам.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных лингвистов по изучению композиционных и жанровых особенностей фольклора, роли символов в народной культуре (Sydow, 1965; Маковский, 1997). Предпосылки возникновения и становления кросс-культурной лингвофольклористики, ее базовые термины и инструменты анализа рассматриваются в работах А. Т. Хроленко (2017), М. А. Бобуновой (2026).

В ходе настоящего исследования учитывалась работа Ю. А. Эмер, представляющая модель описания фольклора как дискурса, где фольклорный текст трактуется как «эстетически обработанный традиционный текст, отвечающий общественным запросам и отражающий коллективное знание, которое стабилизирует социум» (2011, с. 50). Привлекались результаты работы И. С. Климас (2021) по исследованию компаративных и контрастивных характеристик возраста персонажей в русских волшебных сказках, в которых выстроены оппозиции персонажей по возрасту, комментируются бинарные оппозиции «старший – младший».

Ключевыми при рассмотрении особенностей категоризации времени в фольклорных текстах стали работы Т. И. Воронцовой (2003), Е. А. Бурдиной (2010), Н. В. Соловьевой (2016). Числовые модификации и понятие *нумератив* исследовались с учетом материалов таких ученых, как А. Шimmel (Schimmel, 1993), изучавшей общие закономерности числовой символики; труд зарубежных ученых Е. С. Спелке и С. Тсивкин (Spelke, Tsivkin, 2001), посвященный изучению числовой лексики на стыке двух научных дисциплин – лингвистики и психологии. Авторы исследовали влияние конкретного языка на представление человека о числе (“the role of a specific language in human representations of number”). Учитывалась работа Е. В. Шабалиной, предложившей трактовку термина «семантико-мотивационное поле числительного» как «совокупность лексем, связанных с числительными отношениями семантической мотивированности» (2011, с. 1). Задействованы результаты научной работы О. В. Гусельниковой (2009) по определению терминов категории количества в отечественной лингвистике, а также проблема разработанности термина *нумератив* рассматривалась с привлечением публикации М. В. Бойко (2022).

Практическая значимость материалов статьи заключается в том, что они могут быть использованы в лексикографической исследовательской практике, в рамках вузовских занятий по фольклору и лингвокультурологии, а также по английскому и немецкому языкам. Работа продолжает серию исследований категории числа и времени как характеристики фольклорной картины мира.

Обсуждение и результаты

Категории времени и числа относятся к базовым элементам восприятия мира человеком и отражают следы архаичного человеческого мышления. В центре мифологической картины мира находится конструктивный элемент природы – цикл, специфика же пространственно-временной организации сказочной картины мира сохраняет свои мифологические корни (Соловьева, 2016, с. 48). Её исследование позволяет судить о специфике истоков мировидения у отдельных этносов, чертах сходства и различия в процессе их развития, влиянии на современный язык и способе восприятия мира.

Шведский фольклорист и этнолог Карл Вильгельм фон Сидов считал сказку самой сложной формой фольклора, передача и сохранение которой производилась от одного активного носителя традиции к другому активному носителю. В его работе “Folktale studies and philology: some points of view” находим указание на то, что он использовал термин ойкиотип, заимствованный им из ботаники, для обозначения разновидностей народных сказок, распространённых на определённой территории. К. фон Сидов (Sydow, 1965, p. 219) исследовал особенности отдельных ойкиотипов, утверждая, что они аккумулируют в себе ценную культурную информацию.

М. М. Маковский (1997, с. 73), изучая мифы и символы, полагал, что язык имеет ритуальное происхождение, а ритуальная деятельность являлась основой для появления наглядно-образного типа мышления. Она связана с сакрализацией определённых знаний и попыткой сохранить и передать их потомкам. С позиций мифопоэтического мировоззрения существенно лишь то, что сакрализовано, а структура пространства, времени и количества, особенности их восприятия, наименования и сегментации также относятся к сакральным знаниям.

А. Т. Хроленко одним из первых отметил необходимость появления нового научного направления – кросс-культурной лингвофольклористики. Подчеркивая межпредметность лингвофольклористики и специфику ее работы с «запечатленным» фольклорным словом, ученый обращал внимание, что цель кросскультурной лингвофольклористики состоит в выявлении «культурных смыслов, аккумулированных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в совокупностях текстов как атрибутов фольклорной картины мира и как манифестантов этнической ментальности» (Хроленко, 2017, с. 27). Подробное описание инструментария и трактовку основных понятий современной лингвофольклористики находим в работах М. А. Бобуновой, например, автор определяет термин *фольклорный мегатекст* как «упорядоченный корпус конкретных паспортизированных текстов» (2026, с. 91).

И. С. Климас в своей публикации описывает результаты работы курской группы исследователей в области изучения русского сказочного эпоса под руководством С. П. Праведникова. Автор отмечает наличие в этом русле ряда работ по выявлению территориального своеобразия, описанию отдельных концептов, анализу лексических слоёв и групп. Одним из очередных пунктов стало изучение наименований возраста персонажей в сопоставительном плане. Автор приходит к выводу о том, что «оппозиция персонажей по возрасту подразумевает бинарность: несмотря на то, что сопоставляемых героев чаще три, более взрослые в сказке объединяются и противостоят в сюжете произведения молодому, который за свою исключительность может подвергаться гонениям» (Климас, 2021, с. 30).

Ю. А. Эмер предлагает модель описания фольклора как дискурса, характеризуя его следующим образом: «Это особый тип коллективной речевой деятельности, обусловленный социокультурной ситуацией, историческими условиями» (2011, с. 50). Исследователь называет фольклорный дискурс специфическим образованием со своими законами, которое предписывает своим персонажам (индивидам) определённые варианты поведения.

Исследованием категории времени в фольклорных текстах и письменных памятниках занимались такие ученые, как Т. И. Воронцова (категория времени в английской фольклорной балладе). В данной работе подробно описываются различные виды хронотопов: «конкретный, т. е. реальный; мнимый хронотоп – развёртывание событий в нереальном, условном времени и пространстве (сон, мечта...), нулевой хронотоп – отказ от конкретизации по отношению к реальности» (Воронцова, 2003, с. 184). Е. А. Бурдина исследовала лексико-семантический образ времени в древнерусской культуре с целью «изучить фрагмент картины мира носителя древнерусского языка» в процессе рассмотрения лексико-семантического поля (ЛСП) «Время». Автор подчеркивала «двойное отношение к философской категории времени в древнерусской литературе» (Бурдина, 2010, с. 177). Опыт данных работ дает возможность расширить спектр фольклорных текстов и попытаться выявить связь маркеров категории времени с другими характеристиками мира, например, категорией числа.

Общие закономерности числовой символики освещаются в работе немецкого лингвиста Аннемари Шimmel “The mystery of numbers” (“Das Mysterium der Zahl”) / «Мистерия чисел». Автор рассматривает символику чисел как межкультурное явление и прослеживает его корни в западной культуре. Особый интерес представляет малый словарь числовых символов, предложенный в ее работе. К примеру, вот так число пять переосмысливается в антропологическом ракурсе и наделяется символической нагрузкой: “Five is connected with the human being. Just as humankind is a mixture of good and evil, so 5 is the first number to be made up of an odd and an even number (Schimmel, 1993, p. 105). / Пять связано с человеческим бытием. Подобно тому, как человеческая сущность является смесью добра и зла, так число 5 является первым числом, составленным из нечетного и четного чисел.

Сопоставительное исследование числовой лексики на стыке дисциплин находим у ученых Е. С. Спелке и С. Тсивкин, работавших над выявлением связи конкретного языка и представлением о числе у носителей этого языка. Исследование проводилось в ходе экспериментов с билингвами. Так авторы описывают один из начальных этапов работы: “First, we conducted training studies in which bilingual subjects learned new number facts in each of their languages and then were tested on those facts in both languages. This method allowed us to determine whether subjects showed language-specific training effects only for the language in which they habitually perform arithmetic or for both languages” (Spelke, Tsivkin, 2001, p. 47). / Сначала мы провели ознакомительное исследование, тестируемые билингвы получали новые числовые сведения на каждом из своих языков, далее проходили проверку на обоих своих языках. Этот метод позволил установить, отражаются ли эффекты обучения числу, специфичные для конкретного языка, только в том языке, на котором человек привычно выполняет арифметические действия, или в обоих языках.

Особенности количественной категоризации, несмотря на обширный ряд подобных исследовательских работ в отечественной и зарубежной лингвистике, изучены не столь детально по сравнению с темпоральными языковыми характеристиками. Это выражается в недостаточно разработанном терминологическом аппарате. В частности, это касается термина *нумератив*.

О проблеме малой изученности нумеративов пишет томский исследователь М. В. Бойко. Автор обращает внимание на тот факт, что термин *нумератив* в отечественной науке в отличие от зарубежной лингвистики не имеет единого терминологического статуса. В некоторых исследованиях он используется для обозначения числительных, в других как название для счетных слов. Зарубежные лингвисты чаще трактуют нумеративы как специальные классификаторы (*numeral classifier*), входящие в состав количественно-именных конструкций (Бойко, 2021, с. 28). Следует пояснить, что в данной работе берется за основу использование термина *нумератив* для всех лексем, семантически связанных напрямую или косвенно с характеристикой количества (в отношении заявленной темы – количества временных единиц, числа действий за единицу времени, продолжительности действия и т. д.).

Подробное описание терминов категории количества в отечественной лингвистике находим в работе О. В. Гусельниковой. Изучая особенности категории количества в русских фразеологизмах, она отмечает, что среди лексических средств выражения количества выделяются числительные, мезуративы (наименования единиц меры, веса, длины, площади, скорости, температуры и т. д.), денумеративы (производные от числительных прилагательные, наречия, глаголы), наречия, выражающие значение количества, и т. д. (Гусельникова, 2009, с. 43).

Так как в процессе категоризации действительности темпоральные смыслы пересекаются с количественными, целесообразно обратиться к исследованию характера этого взаимодействия на примере фольклорно-сказочной картины мира. В данной статье обратимся к использованию рабочей версии термина *нумеративно-временная категоризация*. По аналогии с устоявшимся в научном обиходе вариантом *пространственно-временная категоризация мира* предполагаем, что выше упомянутый оборот допустим как описательное рабочее название. Его можно использовать в процессе изучения вопроса, как язык работает на стыке количества и темпоральности, а также как в определённых текстах с помощью числовых и временных маркеров выстраивается картина времени и количественных характеристик.

В работе проведена выборка лексических средств, репрезентирующих категорию темпоральности в трех текстовых корпусах: немецкие фольклорные тексты, собранные братьями Вильгельмом и Якобом Гримм “Kinder- und Hausmärchen” (Grimm, Grimm, 1973), английские фольклорные тексты сборника Джозефа Джекобса “English fairy tales” (Jacobs, 1890) и тексты сборника Сидни Олдолл Адди “Household tales and traditional remains” (Addy, 1895).

В первом исследуемом корпусе выявлено 24 лексемы, среди которых 19 существительных и 5 наречий, что составляет 365 случаев употребления. Среди выявленных репрезентантов доминантными являются лексемы *Tag* 168 / день, *Zeit* 104 / время, *Nacht* 96 / ночь, *Morgen* 93 / утро. В сборнике Дж. Джекобса категорию темпоральности представляют 27 лексем, из которых 25 существительных и 2 наречия, всего насчитывается 498 случаев их использования. Доминантными являются темпоронимы *time* 130 / время, *day* 128 / день, *night* 87 / ночь, *morning* 62 / утро. В издании “Household tales and traditional remains” выявлено 29 репрезентантов времени, среди которых 26 существительных и 3 наречия, выявлено 740 словоупотреблений. Наиболее частотными являются лексемы *day* 190 / день, *year* 93 / год, *night* 88 / ночь, *time* 69 / время, *morning* 52 / утро.

Исследуемые фольклорные тексты обрабатывались с помощью программы AntConc. В результате обработки были созданы частотные словари, конкордансы рассматриваемых лексем, составлены доминантные списки. Следующим этапом работы стало выявление связи выбранных темпоральных лексем с лексемами, в различной степени реализующими количественную характеристику. Обратим внимание, что на этом этапе учитывались как непосредственно числительные (количественные, порядковые, а в немецком языке еще и итеративные), но и так называемые вторичные числовые маркеры (наречия, прилагательные, неопределённые местоимения, существительные с количественной семантикой: *halb* / половинный, наполовину, *ganz* / весь, целиком, *jede/r* / каждый, *ein paar* / несколько, немного, *nächst* / ближайший, кратчайший, следующий, *folgend* / следующий, *viel* / много; *few* / мало, *every* / каждый, *next* / следующий, ближайший, будущий, *half* / половина, половинный).

В текстовом корпусе В. и Я. Гримм из 22 выявленных темпоральных лексем 13 единиц демонстрируют связь с числовой семантикой. Здесь выделяются такие лексемы, как *Tag* / день (65 из 168), *Morgen* / утро (58 из 93), *Jahr* / год (45 из 68), *Nacht* / ночь (20 из 96), *Stunde* / час (13 из 19), *Weile* / некоторое время, недолго (10 из 15), *Augenblick* / миг, мгновение (9 из 18). Так категория темпоральности пересекается с количественной характеристикой при описании частей суток (день, утро, ночь, час). Довольно часто эта связь проявляется при описании более длительного периода – *Jahr* / год или меньшей временной протяженности – *Weile* / некоторое

время, недолго. Следует отметить, что в упомянутом сборнике нет ни одного названия месяца. Названия времен года присутствуют, но очень немногочисленны. И это общая черта для всех трёх фольклорных сборников. Возможно причина кроется в своеобразной «оторванности» сказочного повествования от детализации в описании времени: оно либо фокусируется на текущем моменте в сутках, либо «перелистывает» большие пласты времени вперед или назад, не конкретизируя при этом временные пункты. Связь между характеристиками темпоральности и количества проявляется в относительно размытом указании временного отношения: *Es war einmal mitten im Winter, und die Schneeflocken fielen wie Federn vom Himmel...* (Grimm, 1973, S. 251). / Было это однажды зимой, и снежные хлопья падали с неба как перья (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. Д.); *An einem Sommermorgen saß ein Schneiderlein auf seinem Tisch am Fenster ...* (Grimm, 1973, S. 89). / Однажды летним утром сидел портняжка за своим столом у окна.

Расхождения между сборниками наблюдаются в отношении наименований дней недели: в немецком сборнике выявлено употребление только лексемы *Sonntag* / воскресенье. Контекст демонстрирует связь четкого наименования этого дня недели с религиозными обрядами крестин, венчания или встречи гостей: *Der Mann sprach „künftigen Sonntag ist die Taufe, da stelle dich zu rechter Zeit...* (Grimm, 1973, S. 135). / Мужчина сказал: «в следующее воскресенье крестины, явись к назначенному времени; ... *aber die Königin in einer Kammer verborgen bis auf den Sonntag, wo das Kind getauft werden sollte* (Grimm, 1973, S. 96). / ... но королеву спрятали в одной из комнат вплоть до воскресенья, когда должны были крестить ребенка.

Следующий текстовый фрагмент демонстрирует тройное темпоральное описание в пределах одного предложения, которое реализует символический смысл «всегда, вечно»: *Alle Nacht will ich aufstehen und für euch beten, im Winter, dass ihr an einem Feuer euch wärmen könnt, im Sommer, dass ihr nicht in der Hitze schmachtet* (Grimm, 1973, S. 72). / Каждую ночь буду я вставать и молиться о вас: зимой, чтобы вы могли обогреться у огня, летом, чтобы вы не изнывали от жары.

Это повествование представляет фрагмент речи матери, прощающейся надолго, возможно навсегда со своими сыновьями. Троекратное повторение темпоральных лексем в пределах одной фразы героини подчеркивает мысль, что она всегда будет молиться о детях (все ночи, и зимой, и летом). Существенная временная продолжительность описывается не единичными лексемами, а комбинациями из наименований частей суток: ... *die ganze Nacht und noch einen Tag von Morgen bis Abend, aber sie kamen aus dem Wald nicht heraus* (Grimm, 1973, S. 104). / ... всю ночь и еще один день с утра до вечера, но они не вышли из леса.

В немецком фольклорно-сказочном повествовании указание на существенно длительный период времени представлено комбинацией темпоральных лексем и числительных *hundert Jahre* / сто лет, *dreihundert Jahre* / триста лет. Эти словосочетания представляют самый долгий период, упомянутый в исследуемом сказочном корпусе. Прочее лексическое окружение существительного *Jahr* (e) / год (-а) демонстрирует его связь с количественными и порядковыми числительными первых двух десятков. При этом количественные числительные номинируют числа преимущественно до двенадцати, выше двенадцати встречаются числительные, указывающие на возраст персонажа. Следует отметить, что в отличие от других сказочных героев, возраст которых либо не упоминается, либо указывается довольно размыто (*sehr alt* / очень старый, *steinalt* / древний...), молодые персонажи, герои-подростки и дети получают точное указание их возраста (от 7-8 лет до 15): *Als es nun vierzehn Jahr alt geworden war, rief einmal die Jungfrau Maria* (Grimm, 1973, S. 36). / Когда ей исполнилось четырнадцать лет, позвала (её) однажды Дева Мария.

Эта особенность связана с тем, что именно молодые герои и дети являются инициаторами сказочного повествования, активными деятелями, способствующими развитию сюжета. В начале повествования событий важно конкретизировать отправную временную точку, и она в данном случае выражается в возрасте героя, а не в наименовании даты, эпохи и прочих деталей, типичных для нефольклорных текстов.

В фольклорно-сказочном тексте встречаются и комментарии о восприятии хода времени человеком в зависимости от событий его жизни, включающие и числовые, и темпоральные лексем: *In dem Häuschen lebten sie zehn Jahre zusammen, und, die Zeit ward ihnen nicht lang* (Grimm, 1973, S. 73). / В домике они прожили вместе десять лет, и это время не показалось им долгим. Существительные *Jahre* / годы и *Zeit* / время вступают в контексте в синонимические отношения.

Важной чертой сказочного повествования является цикличность событий, отмечаемая многими исследователями (лингвистами и литературоведами). Эта же черта проявляется в исследуемом корпусе в комбинации темпоральных лексем *Tag* / день, *Morgen* / утро, *Abend* / вечер: ... *und hatte jeden Tag vom Morgen bis Abend dabei gesessen...* (Grimm, 1973, S. 98). / ... сидела бы (за этим занятием) каждый день с утра до вечера. Лексема *jede/r* / каждый усиливает эффект цикличности. Она является распространенным элементом, сопровождающим темпоральные лексем во многих сказочных текстах: *jeden Tag* 12 / каждый день, *jeden Abend* 2 / каждый вечер, *jeden Morgen* 4 / каждое утро, *jeden Augenblick* 2 / каждый миг, *jedes Jahr* 1 / каждый год. Встречается и сочетание лексем *jeder Zeit*, реализующее значение «всегда»: ... *gab sie einem Diener und sprach 'verwahr sie mir sorgfältig, und trag sie zu jeder Zeit bei dir, wer weiß in welcher Noth sie uns noch helfen können'* (Grimm, 1973, S. 111). / ... отдал их слуге и сказал «храни их бережно, и всегда носи при себе, кто знает в какой беде они ещё смогут нас выручить». Итак, очевидно, что такая черта сказочного текста, как цикличность, может реализоваться посредством темпоральных лексем, представляющих меньшие временные отрезки: мгновения, части суток. Либо проявляет связь с уже выявленным символическим смыслом вечности.

Описанию малых временных отрезков уделяется в немецком корпусе больше внимания, нежели крупным отрезкам. Это проявляется в наличии нескольких синонимичных вариантов для реализации значения «миг, мгновение» или близкого к нему значения «немного времени, непродолжительно». Эти сочетания проявляют

частотную связь и с количественной лексикой. Такая семантика выявлена у оборотов с лексемами *Weile* / некоторое время, недолго, *Augenblick* / мгновение, миг, *Viertelstunde* / четверть часа и даже с лексемой *Zeit*. Она подвергается десемантизации, утрачивая базовое хронологическое значение «время» и актуализируя в составе сочетания *eine kleine Zeit* семантику непродолжительности действия («недолго»): Nun blieb der Königssohn noch **eine kleine Zeit** da und dachte an seine Mutter und ob sie noch am Leben wäre (Grimm, 1973, S. 383). / И вот оставался тут королевский сын еще немного времени и думал о своей матери, гадая, была ли она ещё жива. Прямые наименования наименьших отрезков времени *Minute* / минута, *Sekunde* / секунда, налицующие в языке, в сказочных текстах не выявлены. Лексема *Viertelstunde* используется с числительным для описания пространственного расстояния: Noch **eine gute Viertelstunde weiter in Wald** (Grimm, 1973, S. 409). / на расстоянии ходьбы в одну четверть часа дальше по лесу.

Несмотря на то, что время, как и место действия, в сказочном тексте часто описывается неопределённо, здесь присутствуют свои законы детализации с помощью темпоральных и числовых лексем. События в повествовании «извлечены» из реального хода времени и образуют свою темпоральную иерархию. Выявлена фиксация времени по часам, но со своими особенностями, где время дробится на равные промежутки или возвращается назад: Den Leuten gefiel das wohl, sie schliefen eine **ganze Nacht** nicht und hörten großer Freude, wie der Hahn um **zwei, vier und sechs Uhr** laut und vernehmlich die **Zeit** abrief (Grimm, 1973, S. 367). / Людям это очень понравилось, они не спали всю ночь, радостно слушали, как петух громко и четко возвещал время в два, четыре и шесть часов. Представленный текст демонстрирует несколько характерных для сказочного повествования особенностей. Тройная числовая модификация повторяется на протяжении всего сюжета: три сына, три подарка, три путешествия, три временных пункта, на которые указывает петух, расположенные через равные промежутки и номинируемые только чётными числами (*zwei, vier, sechs*). Лексемы *Hahn* / петух и *Uhr* / часы становятся здесь контекстуальными синонимами. Главный герой показывает своего петуха людям, у которых отсутствовало понятие «часы», не умевшим следить за временем: Sie wußten wohl wenns **Morgen oder Abend** war, aber **Nachts**, wenn sies nicht verschliefen, wußte sich keiner aus der **Zeit** herauszufinden. 'Seht,' sprach er, 'was für ein stolzes Thier, es hat eine rubinrothe Krone auf dem Kopf, und trägt Sporn wie ein Ritter: es ruft euch des **Nachts dreimal** zu bestimmter **Zeit** an, und wenns das **letztmal** ruft, so geht die Sonne bald auf' (Grimm, 1973, S. 367). / Пожалуй, они могли отличить, утро было на дворе или вечер. Но по ночам, если они не спали, никто из них не знал, как определить время. «Смотрите, – сказал он, – что за гордый зверь! У него ярко-красная корона на голове, а шпоры – как у рыцаря. Он прокричит для вас ночью три раза в определённое время, и когда он прокричит в последний раз – скоро взойдет солнце».

Фольклорная сказка, трансформируя архаичные представления людей о мироустройстве, показывает идеальную модель времени – его течения, восприятия и сегментации. Символический ряд сказки насыщен маркерами: образ петуха выступает как символ часов, смена дня и ночи отражает предзаданный порядок жизненного цикла, а трехкратное повторение действий через равные временные интервалы символизирует необходимую меру, обеспечивающую достижение счастья. За этой мерой имплицитно скрывается гораздо больше неудачных попыток. В архаичной картине мира человек осмысливал числовой ряд следующим образом: один, два и три в значении «много, больше двух». Число три имело не строго количественную семантику, а значение многократности, избыточности. Эта особенность находит отражение в фольклорно-сказочной традиции, где мотив «трех попыток» кодирует идею многократности усилий героя на пути к успеху.

В английских фольклорных сборниках “Household Tales and Traditional Remains” и “English Fairy Tales” категория темпоральности во взаимосвязи с числовыми модификациями представлена большим количеством примеров с яркой символикой. В этих текстах меньше используются так называемые вторичные числовые маркеры, выявлено больше количественных и порядковых числительных в сочетании с темпоральными лексемами, т. е. точность временной категоризации выше. Этот же факт подтверждается наличием частого указания времени по часам: ... **at six o' clock in the morning**, to see the sun rise (Addy, 1895, p. 53). / ... в шесть часов утра, чтобы увидеть восход солнца.

Указание времени по часам дается в сочетании с различными темпоральными элементами: *at noon* / в полдень, *at midnight* / в полночь, *in the morning* / утром, *in the evening* / вечером, *at night* / ночью. Числовые уточнения даются не только по часам в ходе текущего дня повествования, но и в отношении дней недели: *Sunday evening* / вечером в воскресенье, *Monday evening* / вечером в понедельник, *every Tuesday evening* / каждый вторник вечером: ... **at eight in the evening from March to October, except on Saturday and Sunday, when it was rung at seven** (Addy, 1895, p. 130). / ... в восемь вечера с марта по октябрь кроме субботы и воскресенья, когда звонили в семь.

Темпоральные лексемы сочетаются, как и в предыдущем анализируемом сборнике, преимущественно с числительными первого десятка. Это можно проследить по одной из самых частотных лексем – *day* / день. Из всех лексических связей у нее выделяются следующие сочетания: *two days* 1 / два дня, *three days* 5 / три дня, *one day* 99 / одним днем, однажды, *five days* 11 / пять дней, *nine days* 1 / девять дней, *the eighth day* 1 / восьмой день, *the third day* 2 / третий день, *the twelfth day* 2 / двенадцатый день. Высокая частотность сочетания *one day* объясняется его функцией указания неопределённого времени и использованием как устойчивой формулы в зачине.

В сборнике “Household Tales and Traditional Remains” присутствует описание традиционных верований и обрядов, праздничных традиций, поэтому язык этих текстов насыщен наименованиями времен года, дней недели, частей суток, маркирующими смену суточного и годового цикла. В сочетаниях с лексемой *spring* / весна нет прямой позиционной связи с числовыми компонентами, но выявлена очевидная контекстуальная связь, строящаяся по модели: примета – *first* / первый + зооним + *in the spring*. Эту модель демонстрируют

следующие фрагменты: *Take notice of the **first** lamb which you see in the **spring*** (Addy, 1895, p. 130). / Приметьте первого ягненка, которого вы увидите весной; *When you see the first lamb in spring, look which way its head is turned ...* (Addy, 1895, p. 92). / Когда вы увидите первого ягненка по весне, посмотрите, куда он повернет голову; ... *the **first** wasp that comes into your house in the **spring*** (Addy, 1895, p. 65). / ... первая оса, которая влетит в ваш дом весной. Среди зоонимов, участвующих в такой модели, выявлены *lamb 4* / ягненок, *cuckoo 2* / кукушка и *wasp 1* / оса. Среди наименований времен года чаще задействована лексема *spring* / весна, *winter* / зима и *summer* / лето употребляются в равной степени, наименование осени встречается однократно в контексте описания теплой осенней погоды: *A fine **autumn** is known as "St. Luke's summer"* (Jacobs, 1890, p. 117). / Ясная осень называется «лето Святого Луки». Словосочетание *St. Luke's summer* используется для обозначения теплых сухих дней поздней осени и является аналогом для русского варианта «бабье лето». В толковых и фразеологических словарях это словосочетание заменяется на более распространенное *Indian summer: a period of warm or mild weather in late autumn or early winter* (Merriam-Webster dictionary). / период теплой и мягкой погоды поздней осенью или ранней зимой.

Для описания смены годового цикла в сборнике "Household Tales and Traditional Remains" используется также лексема *season*: *Season after season a farmer in this village had been very unlucky with his crops* (Addy, 1895, p. 112). / Сезон за сезоном фермеру в этом селении очень не везло с (его) посевами. Цикличность времени подчеркивается сочетанием с повтором темпоральной лексемы.

Лексемы *winter* / зима и *spring* / весна демонстрируют в контексте разнонаправленные символические характеристики: зима упоминается в сочетании с лексемами *dark* / темный и *evening* / вечер, ассоциируясь с темнотой, холодом или таинственностью. Весна упоминается наряду с лексемами *rose-tree* / розовый куст, *flowers* / цветы, *white bird* / белая птица. Лексическое окружение дополняется сочетаниями с нумеративами *in the beginning* и *one day*: *in the beginning of a dark winter's evening, when he fell to work ...* (Jacobs, 1890, p. 127). / в начале темного зимнего вечера и тут принялся за работу; *One day the rose-tree flowered. It was **spring**, and there among the flowers was a **white** bird and it sang, and sang, and sang like an **angel** out of heaven* (Jacobs, 1890, p. 40). / Однажды розовый куст зацвел. Была весна, и среди (его) цветов виднелась белая птица, которая пела, пела и пела подобно ангелу с небес.

Последний фрагмент приведен из текста сказки "The Rose-tree". Он демонстрирует связь нескольких символических планов: темпорального (весна), вторично-количественного (однажды), образного (убитая мечочка девочка перевоплотилась в белую птицу – образ ангела). Такая символическая композиция реализует в языке народной сказки сакральный смысл надежды.

В исследуемых текстах используются темпоральные наречия, указывающие на линейный ход времени. Анализ частотности показывает направленность текста преимущественно на описание будущего: *yesterday 3* / вчера – *today 0* / сегодня – *tomorrow 21* / завтра (по двум сборникам). Лексемы со значением «позавчера» (*the day before yesterday*) и «послезавтра» (*the day after tomorrow*) не выявлены. Для английского повествования характерно двойное уточнение в сочетании с лексемой *tomorrow*: *"You must show me that handkerchief tomorrow morning, or else you will lose your head"* (Jacobs, 1890, p. 133). / Ты должен показать мне этот платок завтра утром, иначе лишишься головы; ... *I will come for you, at five o'clock tomorrow and get some apples* (Addy, 1895, p. 71). / Я приду за тобой завтра в пять часов и принесу яблок.

Смысловая направленность повествования в будущее более ярко выражена на фоне низкого количества случаев упоминания прошлого. Например, лексема *ago* / назад встречается всего два раза в сочетании с темпоронимами *hours* / часы, *years* / годы и числительным *fifteen* / пятнадцать: *The doc (door) was barred these **hours** ago...* (Jacobs, 1890, p. 191). / Дверь была заперта уже несколько часов; *I was picked up just here after having been brought down by the river about **fifteen years** ago* (Jacobs, 1890, p. 225). / Меня подобрал как раз здесь после того, как меня снесло вниз по реке лет пятнадцать назад. Таким образом, в английских фольклорно-сказочных сборниках четкое указание на события в прошлом с помощью модификации числительного и темпоронима дается только в тексте "The fish and the ring" (*fifteen years ago* / пятнадцать лет назад). Иначе прошлое представлено только сочетаниями с лексемой *last 3* / прошлый (*last month* / в прошлом месяце, *last morning* / прошлым утром).

Обратимся к таким темпоральным лексемам, как *hour* / час в английских сборниках и *Stunde* / час в немецкой сказке. Анализ контекстов показывает, что немецкая темпоральная лексема реализует буквальное временное значение в сочетании с количественными и порядковыми числительными (*eine 7* / один, *die erste* / первый 1), а также с прилагательным *halbe 5* / половинный и глаголами *dauern* / длиться, *kommen* / приходить, *bleiben* / оставаться. В английском повествовании лексема *hour* используется реже в буквальном временном значении с числительными *three hours 1* / три часа, *ten hours 1* / десять часов, *at the hour of twelve 1* / в двенадцать часов, *half an hour 1* / полчаса, с глаголом в составе глагольно-именного сочетания *to last an hour 1* / длиться один час. Но она используется в более обобщенном значении как лексема *time* / время: ... *from that **hour** till the day of her death* (Addy, 1895, p. 249). / с этого часа (времени, поры) до самого дня ее смерти; *She knew her **hour** was come* (Addy, 1895, p. 220). / Она знала, ее час настал (время пришло). Оба варианта используются в сказочной концовке и номинируют час как истекающее время. Эта же лексема в форме множественного числа используется с числительным для указания целых суток в тексте "The History of Tom Thumb": *Tom had travelled **forty-eight hours** with a huge silver-piece* (Addy, 1895, p. 173). / Сорок восемь часов шел Том с огромной серебряной монетой. Пример является нетипичным случаем для сказочного повествования, так как в таком значении широко употребимы сочетания с лексемой *day* (*all the day* / весь день, *the whole day* / весь день).

Для обозначения наименьших единиц времени выявлены синонимичные варианты *moment 15* / миг, минута, мгновение и *minutes 4* / минуты. В их окружении отсутствуют числительные, но есть сочетания с вторичными количественными маркерами *a few* / несколько, *every* / каждый, *a* / артикль (в значении «один»): ... *but jumped*

out of the captain's arms, and in a **few (few) minutes** laid almost all the rats and mice dead at (Jacobs, 1890, p. 205). / ... но прыгнул с рук капитана и за несколько минут уложил почти всех крыс и мышей замертво; ... *and let the sun shine on it for a few minutes*, and then he began to tie the sunshine (Addy, 1895, p. 112). / ... и подставил ее (телегу) солнцу на несколько минут, а затем начал привязывать солнечные лучи; *began to eat, and in a few minutes he heard somebody say "Jack, Jack"* (Addy, 1895, p. 51). / он принялся есть и спустя несколько минут услышал, как кто-то звал: «Джек, Джек».

Итак, в английских фольклорных сборниках выявлен более обширный ряд примеров с яркой символической нагрузкой. Здесь реже встречаются вторичные числовые маркеры. Количественные и порядковые числительные фигурируют непосредственно в сочетании в темпоральными лексемами, что позволяет говорить о большей точности временной категоризации.

Заключение

В ходе проведенного исследования был изучен опыт работ по изучению категории времени и числа в отечественной и зарубежной фольклористике, выявлена недостаточная разработанность терминологии в отношении числовых характеристик (отсутствие конкретики содержания термина *нумератив*).

Проведена выборка лексических средств выражения темпоральности в англо- и немецкоязычных фольклорных сборниках, составлены и проанализированы частотные словари, конкордансы, доминантные списки по выбранным лексемам.

Изучение функциональной специфики темпоральных и числовых модификаций показало, что временные и количественные характеристики в фольклорно-сказочном повествовании носят особый характер в отличие от живого языкового континуума, сказочное повествование насыщено маркерами этих категорий и они отличаются рядом особенностей. Выявлены характерные черты в сборнике немецких фольклорно-сказочных текстов: количественно-темпоральные конструкции с символическим смыслом «всегда, вечно», отражающие цикличность временной организации фольклорного текста; многократное выделение и количественная фиксация времени по частям суток, оторванность от детализации (отсутствие наименований месяцев, низкая частотность времен года и практически отсутствие дней недели); числовая конкретизация отправной временной точки в повествовании по возрасту молодых персонажей; фиксация восприятия хода времени человеком; указание пространственного расстояния с помощью количественно-темпоральных конструкций.

Выявлены характерные черты в сборниках английских сказок: точность временной категоризации выше, чем в немецких лингвофольклорных текстах, за счет использования количественных и порядковых числительных, а не их вторичных заменителей; присутствие наименования времен года, дней недели, частей суток, маркирующих смену суточного и годового цикла; связь символики времен года с народными обрядами и приметами (в модели нумератив + темпороним выявлен ряд зоонимов); направленность английского повествования в будущее, выражающаяся в сочетаниях с темпоральным наречием *tomorrow* / *завтра*; однократная количественно-временная фиксация событий в прошлом; широкий спектр значений у темпоральной лексемы *hour* в сочетании с количественными характеристиками по сравнению с лексемой *Stunde* / *час*.

Перспективы дальнейшего исследования предполагают изучение особенностей временной категоризации отдельных частей суток (из наиболее частотных: день, ночь, полночь) в их взаимосвязи с традиционной народной культурой. Выявленные в данной работе закономерности темпорально-числовых характеристик показали необходимость более подробного изучения числовых символов со сложной мифологической нагрузкой (двенадцать, семь, три).

Материалы исследования | Research materials

1. Addy S. O. Household Tales and Traditional Remains: Collected in the Counties of York, Lincoln, Derby and Nottingham. L.: David Nutt in the Strand, 1895.
2. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. <https://www.dwds.de/>
3. Grimm W. und J. Die Kinder- und Hausmärchen. Berlin: Kinderbuchverlag GmbH, 1973.
4. Jacobs J. English Fairy Tales. L.: David Nutt, 1890.
5. Merriam-Webster Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>

Источники | References

1. Бобунова М. А. «В добром житъе лице белеется и румянеется...» (слово лицо в русской необрядовой лирике) // Русская речь. 2026. № 2.
2. Бойко М. В. Краткий обзор исследований нумеративов в отечественной и зарубежной лингвистике // Процессы интеграции и дифференциации в мире: социально-гуманитарный аспект: материалы Всероссийской студенческой научной конференции (Екатеринбург, 1-2 декабря 2021 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022.
3. Бурдина Е. А. Лексико-семантический аспект образа времени в «Слове о полку Игореве» как отражение фрагмента картины мира древнерусского носителя языка // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2.

4. Воронцова Т. И. Пространственно-временная категоризация текста баллады (на материале английских фольклорных баллад) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. № 5.
5. Гусельникова О. В. Категория количества во фразеологизмах: способы ее выражения в системе языка и на уровне обыденного сознания // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2-2.
6. Доброва С. И. Теория развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора: автореф. дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2025.
7. Доброва С. И. Технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики (на материале формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах) // Филология и человек. 2018. № 1.
8. Климас И. С. Компаративные и контрастивные характеристики возраста в сказках // Лингвофольклористика. 2021. № 33.
9. Коновалова М. А. Состав и функционирование наречий в заговорных формулах (на материале русских заговоров Карелии) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: сборник научных статей / науч. ред. С. И. Доброва. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. Вып. 2 (12).
10. Маковский М. М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
11. Соловьева Н. В. Особенности пространственно-временной организации мифологической и сказочной картин мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Т. 14. № 10-3 (64).
12. Хроленко А. Т. Лингвофольклористика: перспективы развития // Русская речь. 2017. № 6.
13. Шабалина Е. В. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2011.
14. Эмер Ю. А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (27).
15. Schimmel A. The mystery of numbers. N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
16. Spelke E. S., Tsivkin S. Language and number: a training study // Cognition. 2001. № 78. [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(00\)00108-6](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(00)00108-6)
17. Sydow C. W. von. Folktale studies and philology: some points of view // The Study of Folklore / ed. by A. Dundes. Englewood Cliffs – N. J.: Prentice Hall, Inc., 1965.

Информация об авторах | Author information

Девецкая Елена Николаевна¹, к. филол. н.

¹ Кубанский государственный университет – филиал в г. Славянске-на-Кубани

Elena Nikolaevna Devitskaya¹, PhD

¹ Kuban State University – the branch in Slavyansk-on-Kuban

¹ reshhelen@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.08.2026; опубликовано online (published online): 22.10.2026.

Ключевые слова (keywords): кросскультурная лингвофольклористика; фольклорный текст; культурно-языковой факт; числовая символика; темпоральная характеристика мира; cross-cultural linguistic folkloristics; folklore text; cultural and linguistic fact; numerical symbolism; temporal characterization of the world.